

ГЛАВА 1

Сашины глаза светились нездоровым возбуждением. Если бы я его не знал, то однозначно подумал бы, что встретил не своего друга, а пробравшегося в наш НИИ пациента какого-нибудь дурдома. Или маньяка, не спавшего несколько дней и ищущего свою очередную жертву. Именно это можно было предположить, когда как только я переступил порог лаборатории, Кац кинулся ко мне, схватил за рукав халата и заорал:

— Я всё понял!.. Долговременная информация откладывается не в переднем, среднем или в ромбовидном мозгу, а в лобной кости самого черепа!

Выкрикнув это, он уставился на меня жутким, немигающим взглядом. В голове вспыхнула мысль: «Совсем мужик ошалел от работы, спасать нужно парня!» А как спасать-то? Остаётся применить средство «С» — спиртягу то есть. Запас этого средства у меня был с собой — только сегодня отлил в небольшую фляжку, закреплённую в потайном кармане. Эта жидкость была настоящей валютой в нашем НИИ — всё что угодно можно было выменять и оплатить ею, любую услугу работника, занимающего должность ниже завлаба. У которых должность выше, организмы уже отравлены спиртягой, и они свои стрессы заливают коньячком. А нужные услуги получают на халяву (согласно штатному расписанию и в силу свойственного их подчиненным инстинкта самосохранения).

К сожалению, я не завлаб, не имею административного ресурса, и приходится всё в нашем институте буквально прогрызать, вернее, заливать дурно пахнущей жидкостью. А что вы хотите — на технические нужды выделяется не амброзия класса «люкс», а всего лишь технический спирт группы Б (в общем,

это тоже спирт, но с добавлением разных противных и вонючих присадок). Хотя институтские умельцы и разработали технологию, как из синюшной жидкости, выдаваемой на производственные нужды, получать нечто похожее на амброзию, но это требовало много оборудования и, самое главное, отдельного помещения. Конечно, такую личную перегонную лабораторию можно было замутить, но только при одном условии — если бы мне выделялось в месяц хотя бы несколько литров спирта, а с лимитом в семьсот миллиграммов это было смешно. Тем более половину этого приходилось использовать в производственных целях. Ну никак не получалось заставить правильно работать оборудование, если перед сборкой не протереть самые важные узлы спиртом. Я, в отличие от моих друзей, был технарь и являлся всего лишь обслуживающим персоналом для их умных голов. Вот реабилитацией одной такой умной головы мне и пришлось заняться.

Глянув по сторонам и убедившись, что в лаборатории никого, кроме нас, нет, я заговорщицки подмигнул Саше и прошептал:

— Шурикан, твой босс уже свалил домой после трудового дня?

— Естественно, сегодня же пятница — святой день! Все сотрудники лаборатории, наверное, уже стоят кверху задом, обрабатывая грядки на своих фазендах. Ну а меня, одинокого бобыля, не имеющего своего надела, как обычно оставили дежурным по лаборатории. Михалыч, пользуясь тем, что он завлаб, вообще умогал сразу после обеда.

— Это гут! Значит, ты теперь здесь главный босс! Можно расслабиться и начинать операцию «С». Охрана вымуштрована, и хрен сюда зайвится. Можно хоть до понедельника заниматься нашими научными изысканиями.

— Ты что, Михась, совсем сбрендил? Какая это ещё операция «С», и что ты имеешь в виду под научными изысканиями?

— Ну как что? Нужно же обмыть твои гениальные выводы о том, что память структурирована в самой толстой части костей черепа!

— Что, не веришь?

— Почему же? Конечно же верю! Но этот гениальный вывод требуется срочно закрепить в моей лобовой кости, а спирт

для этого самое то. Давай мечи на стол всё, что есть съестного в вашей богадельне, а средство для закрепления в черепашке твоего открытия будет за мной.

Как обычно, в нашем НИИ мужская половина МНС* всегда приветствовала желание владельца жидкой валюты поделиться ею с товарищами. Тем более когда начальство отсутствовало. И, как правило, в холодильниках можно было найти кусок колбасы и что-нибудь для уничтожения мерзкого послевкусия от употребления коктейля с техническим спиртом. В нашем случае это оказалась литровая банка маринованных помидоров. Так что поляна для чествования гениального открывателя функционирования долговременной памяти биологических объектов была подготовлена за три минуты. И всё это благодаря моему красноречию о, безусловно, эпохальном открытии, сделанном Александром Аркадьевичем, а для друзей просто Кацем (первый слог от фамилии Кацман). Вот что делает доброе слово, даже с одержимым человеком.

После первой дозы институтской амброзии маньяк начал превращаться в человека. Саня уже мог говорить не только о костях черепа, но и о женщинах. А их лаборантка Танюша меня очень интересовала. Я грамотно направил разговор на сотрудницу Сашиной лаборатории, в первую очередь, кто ей звонит и как часто. Разговор на интересующую меня тему продолжался до третьей дозы, а потом маньяк опять оседлал мозг Саши. И на этот раз одержимость под воздействием алкоголя приобрела активную форму. В моём друге проснулась активность и желание доказать мне, что его выводы не плод воображения, а факт, который можно доказать экспериментом. Он после пафосной, можно сказать, Нобелевской речи, кинулся к стоящему невдалеке агрегату, напоминающему обычный медицинский томограф, щёлкнул тумблером, включая его, а затем так же стремительно метнулся к полкам, где были выставлены различные виды черепов. Задержавшись там несколько секунд, по-видимому выбирая подходящий объект для исследования, он, схватив даже не череп, а какую-то большую кость, направился обратно, при этом поясняя мне суть предстоящего эксперимента:

---

* Младший научный сотрудник.

— Михась, ты будешь первым человеком, который заглянет в доисторические времена. Этой лобной части черепа динозавра несколько десятков миллионов лет. Конечно, ты увидишь тот мир урывками и только те моменты, которые отложились у этой тупой твари в черепе. Но всё равно это грандиозно. Любый антрополог душу дьяволу продаст, чтобы оказаться на твоём месте.

И Саша жутким образом усмехнулся.

До этого у меня не было никакого желания потакать безумству Каца и участвовать в его сомнительных экспериментах. Хотел просто душевно посидеть, снять с парня стресс и потом разойтись по домам. Но после жуткой ухмылки я понял, что мой такой стройный план с треском провалился. Придётся участвовать в безумном Сашинем эксперименте, а то этот маньяк может и запулить в меня здоровенной костью, которая сейчас у него в руках. Я, конечно, попытался снять с парня морок, предложив:

— Слушай, дружище, давай ещё по дозе, а потом и будем экспериментировать!

Но в ответ услышал:

— Хватит болтать! Не мужик, что ли? Садись вон в то кресло, надевай шлем, лежащий на нем, и расслабляйся. Если хочешь, можешь перед этим принять дозу, а мне нужно делом заниматься, — сам понимаешь, оператор не имеет права во время эксперимента намудрить с компом.

«Ну что же, сам потакал Саше, вот теперь и расплачивайся», — так думал я, безропотно направляясь к креслу, указанному моим другом. Лежащий на нем шлем для восприятия виртуальной реальности я сразу узнал. Ещё бы не узнать свою работу — почти месяц я мучился, монтируя это изделие, и извёл на него спирта больше, чем употребили мы с Кацем за этот вечер. Так что шлем был привычный, и я не раз его примерял. Правда, надевал это громоздкое изделие чуть медленнее, чем свой мотоциклетный шлем. Сейчас тоже надел его достаточно быстро, после чего начал поудобнее устраиваться в кресле. Решил воспользоваться рекомендацией Саши и расслабиться. Может быть, удастся даже немного подремать, пока этот маньяк занимается компьютером.

Расслабился я качественно, даже на часы не смотрел, настолько мне стало уютно на этом кресле. Шлем несколько не

мешал, а наоборот, создавал ощущение изолированности от внешнего, такого суетного мира. Но покайфовать мне было суждено недолго. И внешним раздражителем опять послужил мой беспокойный друг. Он подошел к креслу, где я устроился, и начал бесцеремонно трясти мою голову, облаченную в шлем. Так я подумал, находясь в нирване, а когда окончательно вернулся в реальный мир, то понял, что Саша просто соединял штекерами шлем с проводами, идущими от своеобразного томографа.

Вот тогда мне стало несколько жутковато, я начал понимать, что это никакая не игра, а действительно научный эксперимент. И кто знает, чем он может закончиться? Ну не хотелось мне играть роль собаки Павлова. «Сволочь Кац, специально заманил меня, чтобы провести свой адский эксперимент», — начало вопить моё испуганное сознание. Но слишком долго я паниковал и придумывал способы мести коварному экспериментатору. Так как Саша уже соединил мой шлем с кабелями, идущими от томографа, добрался до компьютера и начал набирать что-то на клавиатуре.

Одним словом, весь мой запал и желание вскочить с кресла, сдёрнуть с головы этот долбаный шлем и натянуть его на голову Саши пропало. Впрочем, как и все другие желания. Мне стало так хорошо, что абсолютно ничего делать не хотелось. Даже пошевелиться и то было лень. Перед глазами мелькали зелёные и жёлтые полосы. Но наконец глазам удалось сфокусироваться, и я увидел гигантскую поляну растущих маков. Они уже полностью созрели, некоторые коробочки начали лопаться и кое-где желтеть. Практически из всех коробочек выделялась белёсая жидкость. По-видимому, маки начали созревать совсем недавно, и яркое солнце не успело ещё высушить эти выделения, да и сами коробочки. Кайф-то какой, и я просто нырнул в заросли этой амброзии. Нырнул и провалился в нирвану.

Из блаженного состояния меня вывел всё тот же чёртов Кац. Эта зараза нарушила мою нирвану варварским способом. Что снял с моей головы шлем, это ладно (все-таки эксперимент закончился), но этот гад начал хлестать своими мерзкими ладонями по щекам. Я, конечно, вышел из блаженного состояния и попытался услатить это исчадь ада подальше — в его мерзкий мир. Но этот маньяк не унимался и вдобавок ко всему вылил на

мою бедную голову стакан холодной воды. Вот тогда я окончательно вышел из нирваны в реальный мир и разразился целой серией матерных выражений в адрес моего мучителя. Саша совершенно не обиделся на мои слова, а даже наоборот, обрадовался, что я ругаюсь, заулыбался и облегчённо произнёс:

— Ну, слава богу, очнулся! Уже, наверное, полчаса я тебя тут реанимирую, а ты только зенками своими хлопаешь и идиотски лыбишься. Во как тебя хронограф зацепил! Давай рассказывай, что ты видел в мезозое глазами динозавра?

— Что-что... — сволочь ты, вот что! Обездвижил человека и пользуешься его беспомощностью — лупцуешь по щекам по чём зря.

— Да ладно!.. Кто же знал, что ты такой впечатлительный и обалдеешь от получаемой в подкорку информации. Вон я или, допустим, Танька уже раз по пять погружались в прошлое, и ничего. Правда, в такое глубокое прошлое, как мезозой, никто ещё не погружался. Так что давай рассказывай, что ты там видел на заре времён?

— Как же рассказывай! Ты сначала прими душевно человека, посетившего мезозой, — спиртяги там налей, закусить дай, а потом уже и спрашивай! Да и вообще полотенце давай!

Пока Саша ходил в санузел за бумажными полотенцами, я судорожно придумывал, что бы мне такое сказать по результатам эксперимента. Не буду же я рассказывать о маках, которые видел глазами динозавра. Банально это, как на каком-нибудь дачном участке, нет изюминки эпохи мезозоя. Вот если бы увидел падение гигантского метеорита, изменившего климат Земли, в результате чего и вымерли эти самые динозавры... Это было бы да! Настоящая информационная бомба, которую так ждёт этот маньяк. А маки в мезозое это для него тьфу, мелко как-то. И гигантская поляна, где растут только маки, для таких людей, как Саня, неинтересна. Вон в Афганистане этого мака хоть задом жуй.

Мысль об Афганистане и о дури, которую оттуда гонят к нам, сразу же направила мои размышления на другое — естественно, на наркотики и на то, какое воздействие они оказывают на человека. Блин, да этот же динозавр, ощущения которого транслировал в мои мозги хронограф, был конченный нарик. Покушал вкусной травки и получил свою дозу дури, от кото-

рой и кайфовал. Отсюда и ужасная лень и нежелание куда-то двигаться. А зачем, если и так хорошо? Полное довольство жизнью, вот моё, пожалуй, единственное впечатление от сеанса сканирования долговременной памяти, отложившейся в лобной кости черепа динозавра. А пожалуй, это прокатит перед Сашей. Он млеет будет, когда узнает, что мне удалось влезть в память динозавра. Это я думал, что состояние наркотического опьянения получил под воздействием токов хронографа, а маляк Саша будет уверен, что на меня воздействовало состояние динозавра. От которого осталась только эта уже окаменелая лобная часть черепа. Думаю, после моего откровения из Саши можно будет вить верёвки и наконец-то спокойно посидеть и поговорить о его лаборантке Танюше.

Когда Кац появился, держа в руках полотенце, я воскликнул:

— Эврика, я всё понял!

От этого выкрика Саша резко остановился, при этом чуть не выронив полотенце. В сердцах выругался и всё ещё сердитым голосом спросил:

— Что понял? Давай рассказывай, что видел?

— Видел я немного, но понял всё! Теперь знаю, почему эти монстры вымерли.

— Так это любой дурак знает — похолодало, вследствие этого образовалась нехватка пищи, и гиганты, которым нужно кошмарное количество растительной массы, от голода и вымерли. К тому же рептилии холоднокровные, а значит, не могут поддерживать тепловой баланс организма. Один раз выпал снежок и всё — это уже не живые организмы, а горы мяса.

— Ладно, великий знаток эволюции, давай полотенце, а то замёрзну, как динозавр в мезозойскую эру. Окно-то открыто, а на улице дождь собирается и похолодало. Совсем не здорово сидеть на сквозняке с мокрой головой.

После того как вытерся, я потребовал продолжения банкета. И только употребив дозу, начал подробно рассказывать, что видел в процессе эксперимента, свои ощущения и выводы, которые я сделал.

Вывод, что динозавры вымерли из-за лени, которая их убивала после употребления маковой соломки, был осмеян. Мой друг, закончивший биофак МГУ, от смеха чуть не упал со стула.

Но когда он обозвал меня неучем и тупицей, я закусил удила и начал ему доказывать, иногда переходя на крик, что динозавры вымерли именно из-за употребления наркотиков. И мои выводы гениальны и достойны Нобелевской премии. Ещё бы так не утверждать после употребления спиртяги, да когда твоё эго опускают ниже плинтуса. Пусть этот умник будет рад, что я не применил свой знаменитый хук слева. С моей стороны весь этот базар и ругань, конечно же, были наиграны — просто душила элементарная обида. Ведь я и сам думал, что Саша прав, а мои ощущения во время эксперимента были вызваны неведомыми электрическими или магнитными полями. Я недавно раззявил рот во время работы и получил весьма ощутимый удар тока — даже в голове поплыло. Вот, наверное, после этого и стал восприимчив к воздействию электричества. Вон даже кайф начал ловить от всяких там токов Фуко!

Между тем мои слова не на шутку раззадорили Сашу. Так как словами ему никак не удавалось убедить меня в своей правоте, то он язвительно улыбаясь, предложил:

— Слушай, Мымрик, а давай фактами будем оперировать — проведём ещё один эксперимент. Возьмём череп не животного, а человека из недалёкого прошлого. Если во время погружения в его воспоминания ты опять начнёшь нести туфту, то тогда с тобой всё ясно — ты балдеешь от электрических полей, присутствующих в виртуальном шлеме.

— А давай! Я готов ради науки на всё! Только с тебя после эксперимента кабак, и чтобы на этом праздничном ужине присутствовала твоя лаборантка Татьяна. Нравится мне эта девчонка. Ты, надеюсь, не против, если я с ней «амуры» закручу?

— Да ради бога — совет вам да любовь!

После этих слов Кац довольно мерзко засмеялся, но я пропустил этот издевательский смех мимо ушей — ведь главной цели я добился. А дальше мы начали обсуждать — какой же из имеющихся человеческих черепов будем сканировать. По словам Саши, только один из образцов можно было без предварительной подготовки загрузить в камеру хронографа. У этого черепа чуть ли не половина теменной и затылочной части отсутствовала, но зато лобная кость была в идеальном состоянии. Всё это позволяло сканерам хронографа беспрепятственно обследовать внутреннюю поверхность лобной части черепа. Так

что выбор объекта для исследования был невелик, и наше обсуждение продлилось всего несколько минут. И львиную долю этого времени я выяснял, откуда взялся этот череп в лаборатории моего друга.

Оказывается, его прислали из Перми с просьбой реконструировать внешний облик человека, которому раньше принадлежал этот череп. Лаборатория Саши и этой проблематикой тоже занималась. Конечно, руководство института такую реконструкцию поручало лаборатории проводить только в исключительных случаях, но этот и был таким. Речь шла ни много ни мало об идентификации останков брата императора России Николая II — Михаила Александровича. По мнению поисковиков, обнаруживших тайное захоронение двух человек, этот череп вполне мог принадлежать Михаилу Александровичу Романову. Пермскими энтузиастами было проведено целое расследование по судьбе брата императора. Тайному похищению и убийству великого князя и его секретаря Джонсона. Собранные материалы показывали, что это преступление было совершено в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. И это было не ограбление или спонтанная акция каких-нибудь отморозков, а продуманная операция большевиков по ликвидации всех представителей дома Романовых. Эта операция была проведена по заранее разработанному плану группой сотрудников ЧК и милиции города Перми, где Михаил Александрович отбывал ссылку.

Многие детали этого эпизода начала гражданской войны так и оставались неизвестными, вот помимо прочего мне и следовало обратить особое внимание на сканирование последних эпизодов, отложившихся в долговременной памяти исследуемого объекта. Да и вообще нужно было в обязательном порядке выяснить, принадлежал ли этот череп Михаилу Романову. Выслушав это цэу от Саши, я хмыкнул, но ничего не сказал — нельзя было ставить на кон вырванное у Каца обещание устроить празднование его гениального открытия в узком кругу в лучшем ресторане города. Да ради встречи с Танюшей в такой камерной обстановке можно было поработать на благо Сашиной лаборатории.

Пока гениальный МНС возился с оборудованием, я решил перед погружением в эксперимент подышать свежим воздухом и подошёл к открытому окну. Начинало темнеть, но не из-за